

Жюльетт БИНОШ:

«ЧТОБЫ ЖИЗНЬ НАПОЛНЯЛАСЬ ЧУВСТВАМИ»

В истекшем году очаровательная француженка Жюльетт Бинош сыграла в двух фильмах — «Фатальная» и «Грозовой перевал».

Предлагаем вниманию читателей отрывки из интервью, которое актриса дала корреспонденту журнала «Глэймор» Алену Вайсу.

— Часто говорят, что актриса настолько сливается с персонажем, что становится принадлежностью фильма. Относятся ли к тебе это высказывание?

— Ну, во-первых, я считаю, что личность не может принадлежать никому, кроме самой себя. Принадлежать фильму — никогда. Ни ты не можешь принадлежать фильму, ни он тебе. Знаете, режиссеры иногда смешно спрашивают: какую роль ты хотела бы сыграть? Какая героиня тебе больше нравится? Порой им трудно понять, что для меня важно не что, а как. Мне хочется выражать чувства, отдавать их — не знаю, кому, может быть, зрителям, может быть, просто в пустоту. Чтобы жизнь наполнялась чувствами. Не знаю, как это назвать — любовь, щедрость, инстинкт? Но это не имеет никакого отношения к ситуации, когда кто-то кому-то принадлежит. Об этом скорее можно говорить, как о жизни и смерти.

— Значит, для тебя растворение в роли сопрягаемо со смертью?

— Нет. Я больше думаю о жизни, чем о смерти. Но при этом не боюсь состояния небытия. И вообще предпочитаю не бояться ничего, хотя некоторые считают, что именно страх становится катализатором гениальных актерских находок. Возможно, такое состояние души придает человеку дополнительную силу, позволяющую перешагнуть рубеж человеческого, но не исключено, что при этом он преступит и границу человечности. Первыми актерами были эллины, потому что они пытались построить мостик, соединяющий человека и небо. Они стали полубогами, но я задаю себе вопрос, какую цену платили древние лицедеи за подобную половинчатость? Поймите, мне ужасно хочется быть просто счастливой. Как только человеку удастся преодолеть страх, он чувствует себя иным — изменившимся, повзрослевшим.

— И все-таки — живет ли божественная искра в душе современного лицедея?

— Знаешь, я предпочитаю говорить об этом скорее в «широких», нежели в «высоких» терминах. Чтобы создать что-то стоящее, нужно иметь вкус к жизни. Конечно, есть артисты, которые могут творить только путем саморазрушения, возводя уродство в ранг красоты. Посмотрите, как прекрасно мое безобразие! Это совершенно не мой случай! (Смеется). Кроме того, я считаю, что творец — вообще очень растяжимое по-

нятие. Человек, который написал книгу, снял фильм — творец. А тот, кто создал семью, ребенка, — он что, не творец? Мне кажется, что рождение и воспитание ребенка — это величайшее искусство!

— Странно, я никогда не видел твоих детских фотографий. Может быть, ты сразу родилась взрослой?

— Мне кажется, что уже в семь лет я была такой же, как сейчас. Я очень рано узнала, что такое одиночество, и научилась сама за себя отвечать. Мне было всего четыре года, когда меня отдали в пансион. А там только от меня зависело, буду я счастлива или нет. Меня до сих пор передергивает, если кто-то говорит «ты слишком молода, чтобы понять». Семилетней девочкой я постоянно мысленно спорила с учителями: «За кого вы меня принимаете, я — такая же, как вы, равное вам человеческое существо». Правда, будучи подростком, я никогда не представляла себе, что моя судьба сложится именно так. Но никто и не пытался объяснить мне, что такое жизнь и как ее надо строить. Не знаю почему, но все люди обычно судят об умственных способностях исключительно по внешности женщины.

— Мне кажется, ты ужасно серьезный человек и сознательно отказываешь себе в беззаботности.

— Я очень серьезно отношусь к жизни, ибо не хочу ее портить, но это вовсе не исключает смех и приключения, от которых поутру болит голова. Помню, еще в школе нам велели написать сочинение на тему: «Что бы вы сделали, если бы узнали, что через пять минут настанет конец света?». Я ответила коротко и ясно: «Ограбила бы булочную-кондитерскую».

— Ты потратила три года жизни на фильм Леоса Каракса «Любовники с Нового моста». Ты не жалеешь об этих годах?

— Для меня это такие же три года, как и все остальные. Есть люди, которые всю жизнь занимаются одним и тем же, проводят ее за конторским столом, например. Уверена, что можно быть счастливой при любых жизненных ситуациях. Главное — как ты к этому относишься. Однажды я спросила у Жан-Ива Эскоффие: «Почему у тебя всегда вид счастливого человека?» — И знаешь, что он мне ответил? — «Мне все время кажется, что могло бы быть гораздо хуже!»